

УДК 811.161.1'367.625 Елена Семиколенова,

Татьяна Чабаненко

(Симферополь)

ПАРАДИГМЫ С "ПУСТЫМИ КЛЕТКАМИ":

СОСТАВ, РАЗНОВИДНОСТИ, СПОСОБЫ НОМИНАЦИИ

У статті виокремлено два різновиди парадигм, у складі яких відсутні одна чи декілька словоформ. Проаналізовані способи номінації таких парадигм, для кожного типу запропоновано особливе позначення.

Ключові слова: форма слова, граматична система мови, неповна парадигма, когнітивно доцільна парадигма.

In this paper the varieties of paradigms, which include those missing one or more word forms are distinguished. The ways of nomination of such paradigms are analyzed, for each type a special designation is introduced.

Key words: word form, grammatical language system, incomplete paradigm, cognitive expedient paradigm.

Понятие парадигмы появилось еще в античные времена и прочно закрепилось в грамматике "для обозначения образца словоизменения как отражающего варьирование форм одного слова" [7, с. 366]. В современной морфологии парадигму определяют как "совокупность всех словоформ слова или его изменение по системе форм" [3, с. 367]. Однако далеко не каждое слово характеризуется полной парадигмой как идеальной языковой моделью. У многих из них "отсутствует одна или несколько словоформ в силу невозможности или затрудненности их образования" [3, с. 368]. Несмотря на длительную историю изучения таких парадигм, лингвистами до сих пор не решены вопросы об их составе, причинах появления, принципах классификации, не принята единая терминология. Цель нашей работы – проанализировать словарные определения парадигм, в составе которых представлены не все формы, предусмотренные грамматической системой языка, а также разграничить типы таких парадигм. В процессе наблюдения было выявлено три основных способа их номинации.

Чаще всего употребляется термин неполная парадигма. Его используют авторы академических грамматик русского языка ("Грамматика современного русского литературного языка" и "Русская грамматика"), создатели энциклопедии "Русский язык", А. В. Бондарко, В. С. Храковский, Б. Ю. Норман и другие лингвисты. Термин неполная парадигма встречаем и в работах украинских исследователей, например, у Д. И. Ганича и И. С. Олейника в "Словнику лінгвістичних термінів", у И. Р. Выхованца, у С. Л. Авдеевой. Наиболее последовательно это понятие раскрывается в "Русской грамматике": "Неполная парадигма – это парадигма, в составе которой отсутствует либо частная парадигма, характерная для слов данной части речи (например, отсутствует парадигма падежных форм мн. ч. у собирательных существительных), либо одна или несколько форм слова, традиционно неупотребительных или таких, образование которых почему-либо затруднено" [14,

с. 455]. Иными словами, неполной считается парадигма, в которой по какой-либо причине отсутствует хотя бы одна словоформа из числа свойственных тому или иному лексико-грамматическому классу.

Несколько реже функционирует термин дефектная парадигма. Ему отдают предпочтение А. В. Исаченко, А. А. Зализняк, Н. А. Еськова, А. П. Соболева, И. А. Мельчук и другие. И. А. Мельчук отмечает, что парадигма "называется дефектной, если по крайней мере одной из комбинаций граммем в парадигме не соответствует никакая лекса" [9, с. 342]. Таким образом, понятия дефектная парадигма и неполная парадигма тождественны по значению и являются лексическими дублетами. Поэтому неудивительно, что во многих случаях ученые используют оба термина как синонимы. Это помогает разнообразить научный текст, избежав повторов. Например, у А. Н. Тихонова: "Взаимосвязь и взаимообусловленность разноуровневых и внутриуровневых значений в глагольном слове недостаточно изучены. С ними связаны (...) дефектность его словоизменительной парадигмы (...) Выявление причин неполноты словоизменительной парадигмы (...) важно не только для теоретического осмысления сложного семантического устройства глагольной лексемы" [18, с. 6], "Неполнота, дефектность морфологических парадигм глагольного компонента в составе устойчивых оборотов требует особого внимания" [18, с. 6]; в трудах Ю. С. Маслова: "Неполнота видовой парадигмы, ее дефектность возникает там, где нет семантической потребности в образовании противоположно-го вида" [8, с. 94].

Однако не все лингвисты согласны с тем, что термины неполная парадигма и дефектная парадигма синонимичны. Т. В. Жеребило в "Словаре лингвистических терминов" предлагает следующие определения. Для неполной парадигмы: "парадигма, в которой недостаёт набора словоформ или слово не может принять форму, которая потенциально возможна (напр., парадигма времени глагола победить – невозможно сказать я победу; парадигма лица глг. светать – невозможно сказать я светая)"; для дефектной парадигмы: "парадигма, в которой представлены отдельные члены: налей щец; принеси дровец" [6]. Таким образом исследовательница разграничивает, во-первых, парадигмы, в которых отсутствует одна или несколько форм, во-вторых, парадигмы, представленные только одной словоформой. При этом, к сожалению, остается непонятным, почему за каждым из понятий закрепляется именно такой термин. А. А. Зализняк к дефектным парадигмам относит все, в которых отсутствует одна или несколько, и все, кроме одной или двух, падежные формы у существительных [5, с. 99 – 100]. Б. Ю. Норман среди случаев неполноты парадигмы рассматривает:

- отсутствие в парадигме отдельной словоформы;
- сведение всей парадигмы слова к одной словоформе;
- отсутствие в парадигме ряда словоформ с общим грамматическим значением;
- нереализованность какого-то грамматического значения у лексико-семантической группы слов [10, с. 13].

Отсюда следует, что термины неполная парадигма и дефектная парадигма употреблялись и продолжают употребляться как абсолютные синонимы.

Для обозначения парадигм, имеющих "хотя бы одну пустую клетку" [5, с. 30], используется термин ущербная парадигма. Например, в книге "Опыт описания русского языка в его письменной форме" читаем: "Особый случай представляют так называемые неполные, или ущербные, парадигмы" [2, с. 167]. Однако этот термин встречается довольно редко.

Таким образом, в лингвистике параллельно функционирует три различных способа номинации парадигм, одна или несколько форм которых отсутствуют: неполная, дефектная, ущербная. Их толкование, на первый взгляд, не вызывает разночтений, однако количество и состав подобных парадигм определяется учеными по-разному. Так, регулярно к неполным относят парадигмы, отдельные словоформы которых не образуются по формальным причинам, т. е. "от технической невозможности присоединения нужной морфемы" [8, с. 418]. Считается, что это вызвано фонологическими и акцентуальными особенностями слова. Среди наиболее распространенных фактов такой дефектности – отсутствие первого лица единственного числа у глаголов ощутить – *ощущу, убедить – *убежу или *убежду, деепричастий несовершенного вида от глаголов некоторых непродуктивных классов: беречь – *бережа, гаснуть – ?, писать – *пиша, течь – ? и др. Сюда же относятся "сравнительно редкие" случаи "прогулов", когда "грамматическая форма отсутствует по капризу языка", "просто так" [12, с. 121], как, например, формы родительного падежа множественного числа у существительных мечта, мольба.

С другой стороны, отмечено, что "явление грамматической дефективности чаще всего встречается там, где значение данной грамматической категории вступает в противоречие с лексическим значением соответствующих слов" [8, с. 418]. Приведем примеры. Отсутствие форм множественного числа у вещественных, собирательных, отвлеченных существительных, так называемых *singularia tantum*, типа медь, листва, гордость и др. вызвано семантическими причинами. А. А. Зализняк подчеркивает, что "отсутствие у *singularia tantum* словоформ со значением и внешними признаками мн. числа не абсолютно: его следует понимать лишь в том смысле, что в общей совокупности русских текстов такие формы встретятся очень редко или вообще не встретятся" [5, с. 58]. Значению сравнительной и превосходной степени некоторых качественных прилагательных, например, босой, немой, полый и др., противоречит их лексическое значение. Достаточно много подобных парадигм у глаголов. Так, в формах 1 и 2 лица единственного и множественного числа не употребляются глаголы, значение которых не совмещается с представлением о 1 или 2 лице как о производителе действия: зеленеть, тельиться, течь и др.; в формах 1 и 2 лица единственного числа – многосубъектные глаголы: толпиться, сползтись, сбежаться и др.; в формах повелительного наклонения – глаголы, обозначающие действия и процессы, которые не совершаются по воле субъекта, не носят целенаправленного характера: весить, стоять, видеть и др. Особую парадигму имеют безличные глаголы, "в которых действие предстает как процесс, совершающийся без участия какого-либо деятеля, как бы сам собой" [3, с. 310]. Как видим, подобная "дефективность" "распространяется на целые серии и группы слов" [18, с. 7]. Вопрос о статусе таких парадигм не получил однозначного решения в лингвистике. Существуют различные точки зрения.

Чаще всего реальной границы между парадигмами, отдельные формы которых отсутствуют по формальным и по семантическим причинам, не проводится. Этот принцип используют авторы академических грамматик, вузовских учебников, многих толковых и грамматических словарей. Так, в "Словаре-справочнике по русскому языку" под ред. А. Н. Тихонова, основная цель которого – "дать максимум грамматических сведений о слове", учесть "важнейшие трудности русского языка" и уделить внимание "случаям отсутствия в словоизменительной парадигме тех или иных грамматических форм слова" [17, с. 8], используется лишь одна помета "не употр."

При подобном подходе все парадигмы с пустыми клетками называют неполными, дефектными, ущербными. Однако Б. Ю. Норман подчеркивает, что термины дефектная или ущербная как будто указывают на "болезнь или уродство" [10, с. 14] парадигмы. Действительно, дефектный – это "имеющий изъяны, с дефектами" [11, с. 163], ущербный – "находящийся на ущербе",

"недостаточный, ненормальный в каком-н. отношении" [11, с. 847]. С недостатком чего-либо связано и понятие неполный, т. е. "не достигший определенного, нужного размера, нормы, предела и т. п.", "не содержащий полного состава, комплекта и т. п. кого-л., чего-л." [16]. С точки зрения грамматики, только те парадигмы, отдельные формы которых не образуются из-за фонологических или акцентуальных особенностей слова, не имеют полного комплекта форм. Изъяны в таких парадигмах вызывают трудности, причиняют неудобства носителям языка. Так происходит при попытке образовать форму 1 лица единственного числа будущего времени глагола победить. В Интернете находим различные варианты: Термостат – я тебя все-таки победу (www.drive2.ru); Всё равно я вас всех победю! (www.baby.ru); Елена Ваенга: "Как я, Лена Хрулева, побегу коррупцию?" (www.intermedia.ru); Если я побежду колбасу, вы дадите мне ее на обед (www.kotomatrix.ru). Многие сомневаются, какую же форму стоит выбрать, и ищут помощь в сети. В результате – сотни вопросов о том, как сказать правильно: *побежу, *победю или *побежду. Один из них стал предметом острой дискуссии на форуме информационного портала "ГРАМОТА.РУ", в ходе которой пользователи неоднократно ссылались на справочники, приводили примеры из классики, переписки писателей, размышляли о природе запрета на образование формы 1 лица единственного числа недостаточных глаголов типа победить, убедить, ощутить и подобных. У некоторых носителей языка этот запрет вызывает протест. Так, на сайте радио "Эхо Москвы" Борис Акунин в своем блоге, ссылаясь на найденные Юрием Петровым данные "Пространственной русской грамматики" Н. И. Греча и "Русского правописания" Я. К. Грота, пишет: "А вот за глагольную форму "побежду" еще, пожалуй, поборюсь" [1].

Подтверждение этому находим во многих художественных текстах. Писатели используют ненормативную форму 1 лица единственного числа глагола победить для создания комического эффекта как прием языковой игры. Так, хорошо известны слова из песни В. С. Высоцкого "Чудую я и так победю" или затруднения Винни-Пуха:

Хорошо быть медведем, ура!

Побежу...

(Нет, победю!)

Победю я и жару и мороз,

Лишь бы медом был вымазан нос!

Победю...

(Нет, побежду!)

Побежду я любую беду,

Лишь бы были все лапки в меду!..

(пер. Б. В. Захадера)

А у волка из мультфильма "Волчище – серый хвостище" этот выбор не вызывает никаких сомнений:

Чем дольше посижу, тем больше наловлю.

Чем больше наловлю – покушаю сытнее.

Чем больше рыбки съем, тем крепче я посплю.

Чем крепче я посплю – тем буду здоровее,

И всех победу, и всех победу!

Итак, потребность в форме 1 лица единственного числа глагола победить бесспорна, что подмечено на страничке одного из пользователей сети: – И то правда – глагола "побежду" катастрофически не хватает! (myasnick.com/sb_i_will_win/). Но литературная норма накладывает запрет на ее использование, вынуждая искать иные пути выражения. Д. Э. Розенталь предлагает в таких случаях обращаться к описательным конструкциям типа сумею (должен) победить [13, с. 175].

Иначе обстоит дело с формами, отсутствие которых вызвано семантическими причинами. Грамматическая модель допускает их образование. Например, мы легко можем построить частную парадигму множественного числа для существительного гордость – *гордости, *гордостей, *гордостям, *гордостями, *гордостях; форму сравнительной степени для прилагательного немой – *немее; форму повелительного наклонения для глагола видеть – *видь(те). А. А. Зализняк подчеркивает, что при необходимости подобные формы "все же могут быть образованы по общим правилам русского словоизменения" [4, с. 7]. Это подтверждают материалы Национального корпуса русского языка: Стал я божиться и клясться, что буду немее рыбы (А. В. Амфитеатров); На немного Патрика, что ли? – Сообразили сами? Вы – гений! Да-а, этому несчастному воспитаннику королевы неплохо бы быть еще немее... (Г. И. Полонский); – Тай, батюшка, тай! – говорила она, смотря на снег, – авось времечко скорей пролетит (М. Е. Салтыков-Щедрин); – Дедушка, а я буду каждый день сны видеть! – неожиданно заявил мальчик. – Видь, видь, птенчик Божий! – трогательно погладил его по голове старик. – Видь. И другим, может, в твоих снах правда откроется (М. П. Арцыбашев). Значит, неупотребительность форм – "явление, может быть, неудобное для лингвиста, но не приносящее никаких затруднений самому носителю языка" [10, с. 20].

Таким образом, парадигмы с пустыми клетками целесообразно разделить следующим образом:

- парадигмы, отдельные формы которых отсутствуют и считаются ненормативными, возможно, из-за сбоя в самой языковой системе (неблагозвучие, класс глагола и т. п.);
- парадигмы, отдельные формы которых традиционно в речи не употребляются, но при необходимости могут быть образованы в соответствии с грамматической моделью.

Попытки систематизировать подобные парадигмы предпринимались лингвистами. А. А. Зализняк в "Грамматическом словаре русского языка" использует, с одной стороны, помету нет, чтобы указать на "отсутствие у слова одной или нескольких форм, вызванное фонологическими или морфологическими трудностями" [4, с. 5]. Так, отсутствуют формы родительного падежа множественного числа у существительных мгла, темя, треска, тьма, хна и др. С другой стороны, ученый считает потенциально полными парадигмы, отдельные формы которых неупотребительны, и в их парадигматической схеме приводит все формы, предусмотренные грамматической системой языка. Поэтому глагол зеленеть, не употребляющийся в 1 и 2 лице, имеет парадигму, аналогичную парадигме глагола читать, все формы которого широко представлены в речи. Такой подход соответствует основной цели словаря – передать "информацию о том, как образуются все формы парадигмы, включая те, которые фактически неупотребительны" [4, с. 7].

Иной принцип разграничения парадигм использует И. К. Сазонова в толково-грамматическом словаре "Русский глагол и его причастные формы". Исследовательница вводит ряд помет, характеризующих факты отсутствия или неупотребительности причастных форм. Так, помета не образуется обозначает "случаи невозможности образования причастных форм у определенных классов глаголов" [15, с. 5]. Помета не употр. свидетельствует о неупотребительности причастия во всех или в некоторых лексических значениях глагола. Эта помета не является запретительной, а лишь "означает, что причастная форма или некоторые ее глагольные лексические значения в данный период развития языка не употребительны" [15, с. 5]. Таким образом, И. К. Сазонова отделяет факты невозможности образования словоформ от фактов их неупотребительности. Подобный подход представляется нам наиболее убедительным. Однако остается открытым вопрос о том, как следует называть парадигмы, отдельные формы которых в современном языке обычно не употребляются, но могут быть образованы "при наличии коммуникативной или эстетической сверхзадачи" [10, с. 14]. По нашему мнению, для таких парадигм оправданно ввести термин когнитивно целесообразные парадигмы, ибо их состав определяется когнитивной потребностью, языковым вкусом, смелостью в преодолении традиций. Другим словами, в речи реализуются лишь те грамматические формы, которые востребованы в той или иной ситуации.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. В современной лингвистике не существует единого наименования парадигм, в составе которых отсутствует одна или несколько словоформ. Природа таких парадигм неоднородна. Среди них целесообразно выделять две основные разновидности. К первой относятся парадигмы, отдельные формы которых отсутствуют из-за сбоя в самой системе языка и считаются ненормативными. В грамматических словарях подобные формы сопровождаются пометами нет или не образуется, а сами парадигмы обоснованно называют неполными, дефектными, ущербными.

Вторую группу составляют парадигмы с потенциально возможными формами, т. е. с формами, которые могут быть образованы в соответствии с потребностями коммуникации и действующими грамматическими законами, хотя обычно в речи не употребляются или употребляются достаточно редко. Эти парадигмы занимают свое, особое место в языке. Их предлагается называть когнитивно целесообразными. В потенциальных формах своеобразно преломляются основополагающие элементы смысла, отражаются отношения "человек и окружающая действительность". Реализацию таких форм грамматика готова поддержать и поддерживает. Разграничение неполных и когнитивно целесообразных парадигм и дальнейшее изучение каждой разновидности позволит более последовательно и систематизированно представить богатый потенциал и скрытые возможности форм русского слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акунин Б. Про "побежу – мужество" : итоги дискуссии [Электронный ресурс] / Б. Акунин. – Режим доступа : http://www.echo.msk.ru/blog/b_akunin/736123-echo/
2. Волоцкая З. М. Опыт описания русского языка в его письменной форме / З. М. Волоцкая, Т. Н. Молошная, Т. М. Николаева. – М. : Наука, 1964. – 186 с.
3. Грамматика современного русского литературного языка. – М. : Наука, 1970. – 767 с.
4. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка : Словоизменение. / А. А. Зализняк. – [3-е изд.]. – М. : Рус. яз., 1987. – 880 с.

5. Зализняк А. А. "Русское именное словоизменение" с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию / А. А. Зализняк. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 752 с.
6. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс] / Т. В. Жеребило. – [5-е изд.]. – Назрань : Пилигрим, 2010. – 486 с. – Режим доступа к словарю : http://lingvistics_dictionary.academic.ru/
7. Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
8. Маслов Ю. С. Избранные труды : Аспектология. Общее языкознание / Ю. С. Маслов. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 840 с.
9. Мельчук И. А. Курс общей морфологии : в 3 т. / И. А. Мельчук. – М. – Вена : "Языки русской культуры", Венский славистический альманах, Издательская группа "Прогресс", 1997. – Т. 1: Введение. – 1997. – 416 с.
10. Норман Б. Ю. О неполной парадигме слова / Б. Ю. Норман // Русский язык : система и функционирование (к 90-летию БГУ и 85-летию профессора П. П. Шубы) : сб. материалов V Междунар. науч. конф., 11–12 окт. 2011 г., Минск / [отв. ред. И. С. Ровдо]. – С. 13 – 23.
11. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – [4-е изд.]. – М. : А ТЕМП, 2004. – 944 с.
12. Панов М. В. Позиционная морфология русского языка / М. В. Панов. – М. : Наука, Школа "Языки русской культуры", 1999. – 275 с.
13. Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка / Д. Э. Розенталь. – [3-е изд.]. – М. : Высш. школа, 1974. – 352 с.
14. Русская грамматика: в 2 т. / [редкол.: Н. Ю. Шведова и др.] – М. : Наука, 1980. – Т. 1. – 1980. – 783 с.
15. Сазонова И. К. Русский глагол и его причастные формы : Толково-грамматический словарь / И. К. Сазонова. – М. : Рус. яз., 1989. – 590 с.
16. Словарь русского языка: в 4-х т. [Электронный ресурс] / [ред. А. П. Евгеньева]. – [4-е изд.]. – М. : Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1999. – Режим доступа к словарю : <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>
17. Словарь-справочник по русскому языку : правописание, произношение, ударение, словообразование, морфемика, грамматика, частота употребления слов / А. Н. Тихонов, Е. Н. Тихонова, С. А. Тихонов. – М. : Словари, 1995. – 704 с.
18. Тихонов А. Н. Русский глагол : проблемы теории и лексикографирования / А. Н. Тихонов. – М. : Academia, 1998. – 280 с.